

Феоктистова Л. А. Еще раз о рус. диал. *тюха-матюха* (*тюха-пантюха*) / Л. А. Феоктистова // Научный диалог. — 2017. — № 10. — С. 98—110. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-98-110.

Feoktistova, L. A. (2017). Once More on Russian Dialect *tyukha-matyukha* (*tyukha-pantyukha*). *Nauchnyy dialog*, 10: 98-110. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-98-110. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.161.1'373.23+811.161.1'28

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-98-110

Еще раз о рус. диал. *тюха-матюха* (*тюха-пантюха*)¹

© Феоктистова Любовь Александровна (2017), orcid.org/0000-0001-6640-4815, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; научный сотрудник, Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург, Россия), l.a.feoktistova@urfu.ru.

Предлагается комплексный анализ широко распространенного в русских народных говорах фразеологизма *тюха да матюха* и различных его вариантов (*тюха, пантюха да колупай с братом; тюха-матюха; тюха-пантюха* и др.). Автор выделяет модели фразеобразования, описывает семантику фразеологизма и выясняет ономастический статус его именных компонентов. Подчеркивается, что с структурным отношением *тюха-матюха* и *тюха-пантюха* являются парными словами (именами). Отмечается, что механизм редупликации задействован и при создании расширенных вариантов фразеологизма. Автор статьи обращает внимание на то, что семантика фразеологизма, помимо прочего, включает в себя указание на количество, которое варьирует в зависимости от интерпретации диалектоносителями его внутренней формы: как рифмованного «прозвища», состоящего из личного имени и оценочно-характеризующего слова, или как сочетания синонимов — аппеллятивных характеристик в чем-то схожих друг с другом людей. Доказывается, что с точки зрения этимологии одни фразеонимы, скорее всего, представляют собой онимизированные аппеллятивы (*матюха, пантюха*), другие, наоборот, являются личными именами, частично подвергшимися аппеллятивизации (*фетюха, ванька с манькой, прошка, ерошка*). Автор указывает, что среди фразеонимов обоих типов могут быть и такие,

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»). Автор искренне благодарен Т. В. Леонтьевой за предложенную тему статьи, а также за языковой и справочный материал, легший в основу публикации.

которые перешли из одного разряда языковых единиц в другой еще до вхождения в состав устойчивого выражения (*пантюха, ванька с манькой, прошка, ерошка*).

Ключевые слова: русская диалектная фразеология; редупликация; парные слова; семантика; этимология; апеллативизация; онимизация; личное имя.

1. Введение

В русских народных говорах найдется немало примеров употребления антропонимов в функции апеллативов с целью характеристики человека, в чем-то схожего с носителем имени. В статье И. В. Родионовой представлен обширный диалектный материал, показывающий разнообразные характерологические возможности отдельных личных имен (и, можно сказать, личного имени как такового) в сфере апеллативной номинации [Родионова, 2005, с. 159—189]. Среди подобного рода отыменных обозначений обособленную группу составляют фразеологизмы с несколькими (как правило, парными) именами различной степени деонимизации. О семантике некоторых из них см., в частности: [Леонтьева, 2011, с. 265—267; Леонтьева, 2016, с. 343—345]. В данной публикации речь пойдет об одном таком фразеологизме, чрезвычайно вариативном по своей структуре и набору входящих в него имен (как собственных, так и нарицательных). Семантика этого фразеологизма-«хамелеона» тоже до некоторой степени варьирует, но это во многих случаях объясняется неточностью словарных дефиниций, доверчиво следующих за контекстом.

2. Структурные модели фразеологической деривации и фразеологического варьирования

Все без исключения варианты рассматриваемого фразеологического сочетания вполне укладываются в две деривационные модели. Одна состоит из рифмованных парных имен (собственных или нарицательных), которые могут быть соединены друг с другом интонационно, а также союзом *да* или предлогом *с*. См., например: *тюха да матюха* смол. ‘о нерасторопных людях’ [ССГ, вып. 10, с. 221]; пск. ‘о беспомощных людях (больных, старых, многодетных и т. п.)’ [СППП, с. 75]; влг. ‘разношерстная компания, сброд’ (*У нас тутюха всякие собрались, кто откуда, тюха да матюха*), арх. ‘о населении: старые, больные люди, инвалиды и т. п.’ (*Никого уж нет в Юмже, тюха да матюха остались*) [КСГРС]; костр. ‘никудашные люди, которые уже не могут работать, плохо живут и т. п.’ [ЛКТЭ]; *тюха-матюха* смол. ‘нерасторопный, неповоротливый человек’ [ССГ, вып. 10, с. 221]; влг. ‘о медлительном, неуклюжем человеке’, ‘замкнутый, нелюдимый человек’ (*Тихоня если, всегда сам по себе, замкнутый да нелюдимый, так и говорят: «Тюха-матюха он, что взять!»*) [КСГРС],

костр. ‘о людях немощных, неумелых, при этом ходящих (живущих) вместе’ [ЛКТЭ].

В некоторых дочерних говорах наряду с «биномом» *тюха да матюха* употребляется *тюха да пантюха*: влг. ‘о людях с разными физическими недостатками, приехавших из разных мест; всякий сброд’ (*Живём здесь, тюха да пантюха: слепые да глухие да немые*), ‘о болтливых людях’ (*Тюха да пантюха вместе сошлись*) [КСГРС], костр. ‘всякий сброд’ (*Остались тюха да пантюха, кто откуда, кто наврёт, кто сворует; Тюха да пантюха в колхозе остались, всё развалилось, все разбежались*) [ЛКТЭ], костр., алтайск., иркут. ‘о морально разложившихся членах общества’, ‘о ленивых работниках’ [СРНГ, вып. 25, с. 200]. Функционирование на одной и той же территории приводит к контаминации: костр. *матюха да пантюха* ‘о бестолковых, ленивых людях, сброде’ [ЛКТЭ]. Зафиксирован и вариант с заменой первого компонента фразеологизма: ср.-обск. *фетюха-пантюха* ‘темный, забитый человек’ [СРНГ, вып. 25, с. 200].

Данные примеры этимологически не ясны, и без выяснения мотивации их трудно квалифицировать в рамках существующих классификаций рифмованных сочетаний (парные слова, повторы-отзвучия, немотивированные повторы и пр.) (см. о них: [Минлос, 2004; Минлос, 2005]).

Вторая модель фразообразования представляет собой расширенный вариант первой, созданный посредством своеобразной неточной редупликации двучлена. Основа и копия (об этих и других терминах см.: [Минлос, 2004, с. 32]) соединяются друг с другом при помощи союзов *и* или *да*. Например:

— *тюха да матюха (да воронай (ковырай, колупай) с братом)* перм. ‘о случайном сборище малоуважаемых людей’ [Мокиенко и др., 2008, с. 677]; *тюха да матюха, да колупай с братом* арх. ‘о группе собравшихся из разных мест людей: смешанном (из коренных и приезжих) населении деревни, разношерстной компании и т. п.’ [КСГРС]; перм., омск., новосиб. ‘о никчемных, неуважаемых людях; кто попало, всякий сброд’ (*А в комиссию-то попали тюха да матюха да колупай с братом; Собрались нехороши, бездельники, беспутные, непочётные, тюха да матюха, да колупай с братом*) [ФСРГС, с. 200; см. также: СРНГ, вып. 18, 42; СРСГСП, т. 3, с. 251]; иркут. ‘о группе ленивых работников’ [ФСРГС, с. 200];

— *тюха да пантюха (с пантюхой) (да колупай (колубай) с братом)* влг. ‘всякий сброд, смешанное население’ (*Понаехали без вести откуда — тюха да пантюха да колупай с братом; У нас в деревне оставши тюха да пантюха да колупай с братом, кто дачники, кто местные*), ‘о собравшихся разговорчивых, болтливых людях; шумной, веселой компании’

(*Пьют когда или соберутся кто, говорят, тюха да пантюха да колупай с братом*) [КСГРС]; алтайск. *жили тюха-пантюха и кулупай с братом* ‘о ленивых, нерасторопных людях, плохих работниках’ (*А ведь новой целовек чисто нюхря, некудышный, робить не робит, а так, только звон. Еще скажут: «Ну ты, тюха-пантюха, поворачивайся. Жили тюха-пантюха и кулупай с братом»*) [СРГА, т. 2, ч. 2, с. 119].

Внутри этого второго двучлена рифма отсутствует (а она во многом определяет способ и средства лексического варьирования парных сочетаний), но варьирование здесь также имеет место. Его направление в данном случае задается истолкованием диалектоносителями внутренней формы первого двучлена:

а) как сочетания синонимов — апеллятивных характеристик в чем-то схожих друг с другом людей (отсюда сочинительный тип связи: *тюха да матюха (пантюха)*) — см. выше *воропай* и *ковырай* наряду с более частотным *колупай*;

б) как рифмованного «прозвища», состоящего из личного имени (его деривата) и оценочно-характеризующего слова [см. о таких прозвищах: Никулина, 1976; Никулина, 1983] — ниж.-печор. *Тюха-пантюха да Иван-колупай*, *Тюха-пантюха (да Иван) — ржаной сноп* ‘говорится о ленивых и неумелых людях’ (*Тюха-пантюха, ржаной сноп, беспутный целовек; Жди, как же, там работники такие: Тюха-пантюха да Иван-ржаной сноп, от них работа не плачет*) [ФСГНП, т. 2, с. 339—340].

Вместе с тем можно наблюдать и замену всего бинома в первой части фразеологизма другими парными именами: омск. *ванька с манькой да колупай с братом* ‘о неуважаемых, никчемных людях’ [СРГС, т. 1, ч. 1, с. 117; ФСРГС, с. 22]; ленингр. *прошка, ерошка да колупай с братом* ‘о малочисленности’ (*А у нас кто (в деревне)? Прошка, ерошка да колупай с братом*) [СРНГ, вып. 33, с. 50]; костр. *шоша да матоша да колупай с братом* ‘всякий сброд; о собравшихся или ходящих вместе, не пользующихся уважением людей (глупых, неумелых или ленивых, пьяницах, попрошайках и т. п.)’ (*У них на свадьбе были шоша да матоша да колупай с братом*) [ЛКТЭ].

Описанные выше модели построения рассматриваемого фразеологического сочетания и разнообразное их лексическое наполнение служат средством выражения довольно специфичного значения: ‘всякий сброд; кто попало (зачастую о неумелых или ленивых работниках)’, ‘о беспомощных людях (многодетных, больных, старых, нищих и т. п.)’. Семантика фразеологизма, помимо образно-характеризующего компонента, включает в себя указание на обобщенное (иначе — репрезентативное) количество, сниженную эмоциональную оценку (скорее всего, пренебрежение) и экс-

прессивность. Эти компоненты выражаются в том числе редуцированной структурой фразеологизма и рифмовкой его частей (применительно к рифмованным повторам см. об этом подробнее: [Матвеева, 2013, с. 133—139; Минлос, 2004, с. 63—69]).

Основным же средством выражения указанной семантики являются, безусловно, входящие в состав фразеологизма лексические единицы, и они заслуживают более пристального внимания. Следует выяснить их значение, мотивацию и ономастический статус (с точки зрения этимологии и на уровне «внутренней формы» фразеологизма).

3. Структурное варьирование и семантика количества (от единичного денотата к двум и более)

В связи с формой *тюха (да) матюха (пантюха)* требует уточнения количество входящих в состав фразеологизма компонентов; попросту говоря: перед нами два имени (и соответственно два их носителя) — *тюха и матюха (пантюха)* — или одно (один) — *тюха-матюха (тюха-пантюха)*?

В пользу второго предположения свидетельствует фиксация словосложения *тюха-матюха* применительно к единичному денотату: смол. ‘нерасторопный, неповоротливый человек’ (*Во тюха-матюха! Быстрей поворачивайся*) [ССГ, вып. 10, с. 221]; влг. ‘нерасторопный, неуклюжий, неумелый человек’ (*Тюха — который медленно всё делает, и не получается у него ничего. Тюха-матюха, говорят*); ‘ленивый человек, плохой работник’ (*Тюха — ленивый это человек, неповоротливый, вот такой он тюха-матюха!*); ‘необщительный, замкнутый, нелюдимый человек’ (*Тихоня если, всегда сама по себе, замкнутый да нелюдимый, так и говорят: тюха-матюха он, что взять!*) [КСГРС]; морд. рус. *тюха-матюха* ‘о человеке, ни на что не способном’ (*Дъ така ана тюхъ-матюхъ, фсё у ниё из рук валиць*) [ФСРГМ, с. 256].

Удвоенная основа ведет к развитию обобщенной семантики количества (см. о ней выше), под влиянием которой словосложение преобразуется в устойчивое сочетание с союзом *да*. В тех же смоленских говорах наряду с *тюха-матюха* встречается *тюха да матюха* со значением множества — ‘о нерасторопных людях’ (*Ети тюха да матюха пойдуть — ничаво не будить*) [ССГ, вып. 10, с. 221]. Ср. также костр. *тюха-матюха* ‘о людях немощных, неумелых, при этом ходящих (живущих) вместе’ (*Оне тюха-матюха, оба неповоротные, два сапога пара*) и *тюха да матюха* ‘никудашные люди, которые уже не могут работать, плохо живут и т. п.’ (*Тюха да матюха живут тут, двор упал у их*) [ЛКТЭ], которые позволяют восстановить значение «двойственного числа» в качестве промежуточного звена реконструируемой семантико-словообразовательной модели.

Ср. новгородскую загадку о сохе: *Два кола еловы, Два сына попы: Тюха да Матюха* [Садовников, 2013, с. 117].

Функционирование в составе синтаксической конструкции с сочинительным типом связи допускает возможность замены одного соединительного союза (*да*) другим (*ни... ни*): *ни тюха ни матюха* 'о человеке бесхарактерном, безвольном' (*Он и так-ть ни тюхъ ни матюхъ, всё зъ сястрой живет*) [ФСРГМ, с. 256]; новосиб., омск. *ни тюхи ни матюхи* 'о человеке: ни рыба ни мясо' [ФСРГС, с. 200]. Второй из фразеологизмов, с иным падежным управлением, свидетельствует и о дальнейших изменениях в значении парных слов и их деэтимологизации (см. также пск. *тюху-матюху наплести* 'наговорить ерунды, рассказать много небылиц' [СПП, с. 75]).

Сходное развитие семантики демонстрирует и *тюха-пантюха*: влг. 'тихоня, нерешительный человек' (*Он какой-то тюха-пантюха, а раньше тоже бойких-от любили*) [КСГРС]; хакас. 'медлительный человек' (*Пошлѣшь тюху-пантюху за молоком, так едва дождѣшься, как неживой ходит*) [ФСРГС, с. 200]; омск. *тюха-пантюха* 'безвольный человек' (*Эх-ты, тюха-пантьюха, то-та жына ат тибя ушла!*) [СРГС, 5, с. 418] и др. Если словосложение употребляется по отношению к единичному денотату, то значение множественного числа оформляется с помощью соответствующего окончания: *тюха-пантюха* ср.-прииртыш. 'о никчемных людях' (*Несообразительный, это ковды шевелится, как неживой, никудышный: тюха-пантюха*) [СРСГСП, т. 3, с. 251]; кемер., томск., омск. (без указания значения) (*Стали девки ребятишек учить, а сами-то тюхи-пантюхи*) [СРНГ, вып. 25, с. 200 (s. v. пантюха)]; иркут., кемер., томск. 'необразованный, неразвитый, темный человек' (*Чо там раньше? Тюхи-пантюхи мы были раньше, ничо не знали, не умели, целый день работаешь, когда было учиться*) [ФСРГС, с. 200].

Иной способ выражения семантики множественности применительно к рассматриваемым двучленам — синтаксический, который заключается в присоединении к нему еще одного «парного» сочетания. См. приводившиеся выше арх. *тюха да матюха, да колупай с братом* 'о группе собравшихся из разных мест людей: смешанном (из коренных и приезжих) населении деревни, разношерстной компании и т. п.' [КСГРС]; влг. *тюха да пантюха (с пантюхой) (да колупай (колубай) с братом)* 'о собравшихся разговорчивых, болтливых людях; шумной, веселой компании' [Там же].

4. От имени к апеллятиву и / или наоборот:

ономастический статус антропонимов в составе фразеологизма

Употребление в составе вариантов фразеологизма диминутивов *ванька* и *манька*, а также *прошка*, *ерошка* наталкивает на мысль если не о непосред-

ственном происхождении *тюха* (да) *матюха* (*пантюха*) от личных имен, то об аттракции к ним — в процессе создания лексических единиц или последующей их ремотивации. Семантика обобщенного (или репрезентативного) количества, с одной стороны, и структурная модель (сочинительная конструкция), с другой, обуславливают восприятие именных компонентов фразеологизма как антропонимов, употребленных переносно.

И. А. Подюков и Е. Н. Свалова, говоря о пермских идиомах *тюха да матюха* ‘о малоуважаемых’ и *тюха, пантюха да колунай с братом* ‘разный сброд, недостойные люди’, указывают на прозвищный характер обозначающих какие-либо человеческие недостатки номинаций и производность последних от глаголов: *тюхать* — ‘медленно идти’, *матухаться* — ‘мешкать в работе’, *пантюхать* — ‘медленно передвигаться’ — при сближении с «реальными формами имен (известно пермское *Матюха* от *Матвей*, сибирское *Тюха* — уменьшительная форма от имени *Христина*)» [К пиру едется..., 2014, с. 41, 49]. Семантика глагольных основ — ‘делать что-либо медленно’ — вполне согласуется с описаниями действий (или бездействия) «носителей» прозвищ в словарных дефинициях и контекстах (см. выше). Версию об отглагольной деривации как будто бы подтверждает употребление реальных прозвищ, образованных от глаголов *ковырять*, *колупать*, в составе пермского же фразеологизма *тюха да матюха* (да *воронай* (*ковырай*, *колунай*) *с братом*) ‘о случайном сборище малоуважаемых людей’ [Мокиенко и др., 2008, с. 677].

Вместе с тем нельзя не учитывать того факта, что рассматриваемые фразеологизмы распространены не только в пермских говорах, поэтому для доказательства выдвинутой И. А. Подюковым и Е. Н. Сваловой гипотезы необходимо выяснить географию предполагаемых глагольных основ. В «Словаре русских народных говоров» есть брян., смол., р. Урал *тю́хать* ‘медленно, не торопясь идти, ехать’ [СРНГ, вып. 46, с. 48], но нет *матухаться* в рассматриваемом значении (ср. *матуха́ться* ‘то же, что *ма́тькаться* (ругаться бранными словами)’ [Там же, вып. 18, с. 42]) и *пантюхать*. А кроме этого, обращает на себя внимание географическая удаленность сибирского *Тюха* — уменьшительной формы от имени *Христина* (через *Христюха*) — от распространенного также в Европейской части России фразеологизма. Формально диминутив *Тюха* может соотноситься с разными именами, причем как женскими (также *Устина* (через *Устюха*)), так и мужскими (в том числе *Матвей* (через *Матюха*); полный их перечень см. в «Словаре народных форм русских имен» А. В. Суперанской [2010, с. 319]).

В задачи настоящей публикации не входит подробное обсуждение этимологии лексемы *тюха* и рифмующихся с ней «имен» в составе фразеоло-

гизма; выскажем лишь некоторые соображения общего плана. Соглашаясь с мнением пермских исследователей относительно отглагольного происхождения лексемы *тюха*, отметим, что это слово фиксируется и вне (до) фразеологизма. См. брян., ср.-обск., влг. *тюха* ‘о бестолковом, глуповатом, несообразительном человеке’ [СРНГ, вып. 46, с. 47; КСГРС]; простореч. ‘растяпа, разиня’ [СРНГ, вып. 46, с. 47]. Сближение его с диминутивом какого-либо личного имени при создании фразеологизма представляется излишним. Ср., к примеру, идиомы, в которых наряду с явно производными от личных имен лексемами фигурируют «квазиантропонимы»: перм. *скрёма да ерёма, кол да перетыка* ‘о малоимущих или немощных людях’ (*Из той деревни-то все разъехались, одни старики остались — скрёма да ерема, кол да перетыка*) [ФСПГ, С]; *шииша да агаша, третья палашиа* ‘незначительные, малопочитаемые люди’ (*Никого уж в деревне-то нет, остались только шииша да агаша, да ишо третья палашиа*) [СПГ, т. 2, с. 554; ФСГП, III].

Аттракция к соответствующим личным именам более вероятна для *матюха* и *пантюха*, но тоже не обязательна: *матюха* в качестве второго компонента парного слова могло возникнуть посредством редупликации *тюха* как повтор-отзвучие (ср. смол. *тюх да матюх* ‘об очень медлительных действиях кого-либо’ [СРНГ, вып. 46, с. 47]); *пантюха* же, согласно Ж. Ж. Варбот [2011, с. 570], может быть истолковано как производное с суффиксом *-(‘)ух* от вят. *пантá* ‘о бестолковом, беспамятном человеке’ [СРНГ, вып. 25, с. 199]. О восприятии *матюха* и *пантюха* как диминутивов личных имен в процессе функционирования фразеологизма свидетельствует варьирование имен в его составе: *фетюха-пантюха, ванька с манькой, прошка, ерошка*. Собственно говоря, онимизация (возможно, что вторичная) парных слов *тюха-матюха* и *тюха-пантюха* в составе фразеологизма стала одной из причин их замены другими парными именами.

В целом, говоря об ономастическом статусе парных слов (имен) в составе рассматриваемого фразеологизма (включая его варианты), необходимо отметить следующее. Одни фразеонимы (термин Н. А. Максимчук [2006]), как мы пытались доказать выше, скорее всего, представляют собой онимизированные апеллативы, онимизации которых способствовала их омонимичность личным именам (*матюха, пантюха*). Другие фразеонимы, наоборот, являются личными именами, частично подвергшимися апеллативизации (*фетюха, ванька с манькой, прошка, ерошка*). Среди фразеонимов обоих типов могут быть и такие, которые перешли из одного разряда языковых единиц в другой еще до вхождения в состав устойчивого выражения (*пантюха, ванька с манькой, прошка, ерошка*). От оними-

зированных апеллятивов следует отличать квазионимы (-антропонимы), то есть такие апеллятивы, которые необязательно омонимичны личным именам и которые приобретают проприальные коннотации благодаря своей денотативной отнесенности (обозначение человека) и контекстной сочетаемости с реальными онимами (*тюха*).

Принятые сокращения

алтайск. — алтайские говоры русского языка
арх. — архангельские говоры русского языка
брян. — брянские говоры русского языка
влг. — вологодские говоры русского языка
вят. — вятские говоры русского языка
иркут. — иркутские говоры русского языка
кемер. — кемеровские говоры русского языка
костр. — костромские говоры русского языка
ленингр. — ленинградские говоры русского языка
морд. рус. — говоры русского языка на территории Республики Мордовия
ниж.-печор. — говоры русского языка Нижней Печоры
новосиб. — новосибирские говоры русского языка
омск. — омские говоры русского языка
перм. — пермские говоры русского языка
пск. — псковские говоры русского языка
р. Урал — говоры русского языка в бассейне р. Урал
смол. — смоленские говоры русского языка
ср.-обск. — среднеобские говоры русского языка
ср.-прииртыш. — говоры русского языка Среднего Прииртышья
томск. — томские говоры русского языка

Источники и принятые сокращения

1. *К туру* едется, а к слову молвится : народная паремика Пермского края : [сборник фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями] ; [авт.-сост.: И. А. Подюков, Е. Н. Свалова]. — Санкт-Петербург : Маматов, 2014. — 171 с.
2. КСГРС — *Картотека* «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
3. ЛКТЭ — *Лексическая* картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
4. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 784 с.
5. Садовников Д. Н. Загадки русского народа / Д. Н. Садовников. — Москва : Рипол Классик, 2013. — 312 с.

6. СПГ — *Словарь пермских говоров* : в 2 т. / под ред. А. Н. Борисовой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002.
7. СППП — *Словарь псковских пословиц и поговорок* / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : НОРИНТ, 2001. — 173 с.
8. СРГА — *Словарь русских говоров Алтая* : в 4 т. / под ред. И. А. Воробьевой. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993—1998.
9. СРГС — *Словарь русских говоров Сибири* : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск : Наука, 1999—2006.
10. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23—42) ; С. А. Мызников (вып. 43—). — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—. — Вып. 1—.
11. СРСГСП — *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья* : в 3 т. / под ред. Г. А. Садретдиновой. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992—1993.
12. ССГ — *Словарь смоленских говоров* : в 11 вып. / под ред. А. И. Ивановой. — Смоленск : СГПИ (СГПУ), 1974—2005.
13. Суперанская А. В. *Словарь народных форм русских имен* / А. В. Суперанская. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. — 368 с.
14. ФСГНП — *Ставишина Н. А. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры* : в 2 т. / Н. А. Ставишина. — Санкт-Петербург : Наука, 2008.
15. ФСПГ — *Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров* / К. Н. Прокошева. — Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. — 431 с.
16. ФСРГМ — *Семенкова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия* / Р. В. Семенкова. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. — 330 с.
17. ФСРГС — *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск : Наука, 1983. — 232 с.

Литература

1. Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии / Ж. Ж. Варбот. — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. — 648 с.
2. Леонтьева Т. В. Именные фразеосочетания с соединительным союзом *и, да* : семантический потенциал / Т. В. Леонтьева // *Язык — текст* — дискурс : проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах : материалы международной научной конференции, 12—14 мая 2011 г. / [науч. ред. Н. А. Илюхина]. — Самара : Универс групп, 2011. — С. 263—268.
3. Леонтьева Т. В. Оценка поведения человека в русском диалектном дискурсе (на материале диалектной лексики костромского Поветлужья) / Т. В. Леонтьева // *Динамика традиции в региональном измерении : трансформационные процессы в культуре и языке Костромского края* / отв. ред. и сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова. — Москва : ИЭА РАН, 2016. — С. 330—352.
4. Максимчук Н. А. Фразеонимы в системе ономастических единиц / Н. А. Максимчук // *Русский язык в современном обществе : проблемы преподавания* : сбор-

ник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. — Смоленск : Издательство ВПВО ВС РФ, 2006. — С. 81—87.

5. *Матвеева Т. В.* Экспрессивность русского слова / Т. В. Матвеева ; [науч. ред. О. П. Жданова]. — Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2013. — 177 с.

6. *Минлос Ф. Р.* Редупликация и парные слова в восточнославянских языках : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.03 / Ф. Р. Минлос. — Москва, 2004. — 184 с.

7. *Минлос Ф. Р.* Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова / Ф. Р. Минлос // Русский язык в научном освещении. — 2005. — № 1 (9). — С. 96—116.

8. *Никулина З. П.* О прозвищах со вторым рифмующимся компонентом / З. П. Никулина // Вопросы ономастики / [отв. ред. А. К. Матвеев]. — Свердловск : [УрГУ], 1976. — № 11 : Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. — С. 75—77.

9. *Никулина З. П.* О некоторых особенностях прозвищ как единиц экспрессивного фонда русской антропонимии / З. П. Никулина // Экспрессивность лексики и фразеологии. — Новосибирск, 1983. — С. 62—67.

10. *Родионова И. В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах / И. В. Родионова // Русский язык в научном освещении. — 2005. — № 2 (10). — С. 159—189.

Once More on Russian Dialect *tyukha-matyukha* (*tyukha-pantyukha*)¹

© **Feoktistova Lyubov Aleksandrovna (2017)**, orcid.org/0000-0001-6640-4815, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; research scientist, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia), I.a.feoktistova@urfu.ru.

Comprehensive analysis of the widespread in Russian folk dialects idiom *tyukha da matyukha* and its various variants (*tyukha, pantyukha da kolupay s bratom; tyukha-matyukha; tyukha-pantyukha*, etc.) is proposed. The author reveals models of phrase-forming, describes the semantics of the idiom and finds out the onomastic status of proper name components. It is emphasized that in structural terms, *tyukha-matyukha* and *tyukha-pantyukha* are paired words (names). It is noted that mechanism of reduplication is involved in the creation of enhanced variants of the idiom. The author draws attention to the fact that the semantics of the idiom, among other things, includes an indication of a quantity that varies depending on the interpretation of a dialect speaker of its internal

1 The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 16-18-02075 “Russian Society in the Mirror of Lexical Semantics”).

forms: as rhymed “nickname” consisting of a personal name and assessment-describing words, or as a combination of synonyms — appellative characteristics of people similar to each other. It is proved that from the point of view of etymology some phraseological onyms are likely to be appellatives (*matyukha, panyukha*), while others are personal names, partially exposed appellation forming (*fetyukha, van'ka s man'koy, proshka, yeroshka*). The author points out that among phraseological onyms of both types there can be those which moved from one level of language units to another before joining the expressions (*pantyukha, van'ka s man'koy, proshka, yeroshka*).

Key words: Russian dialect phraseology; reduplication; paired words; semantics; etymology; appellation forming; onym forming; personal name.

Material resources

FSGNP — Stavshina, N. A. 2008. *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Nizhney Pechory*. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).

FSPG — Prokosheva, K. N. 2002. *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov*. Perm': Izd-vo Perm. gos. ped. un-ta. (In Russ.).

FSRGM — Semenkova, R. V. 2007. *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Respubliki Mordoviya*. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta. (In Russ.).

FSRGS — Fedorova, A. I. 1983. (ed.). *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

KSGRS — *Kartoteka «Slovary govorov Russkogo Severa»* (khranitsya na kafedre russkogo yazyka, obshchego yazykoznaniiya i rechevoy kommunikatsii Uralskogo federalnogo universiteta, Yekaterinburg). (In Russ.).

LKTE — *Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspeditsii Uralskogo universiteta* (khranitsya na kafedre russkogo yazyka, obshchego yazykoznaniiya i rechevoy kommunikatsii Uralskogo federalnogo universiteta, Yekaterinburg).

Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G. 2008. *Bolshoy slovar' russkikh pogovorok*. Moskva: OLMA Media Grupp. (In Russ.).

Podyukov, I. A., Svalova, E. N. (eds.). 2014. *K piru edetsya, a k slovu molvitsya: narodnaya paremika Permskogo kraja*: [sbornik folklornykh tekstov s kommentariyami i istolkovaniyami]. Sankt-Peterburg: Mamatov. (In Russ.).

Sadovnikov, D. N. 2013. *Zagadki russkogo naroda*. Moskva: Ripol Klassik. (In Russ.).

SPG — Borisovoy, A. N. (ed.). 2000—2002. *Slovar' permskikh govorov*. Perm': Knizhnyy mir. 2. (In Russ.).

SPPP — Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G. (eds.). 2001. *Slovar' pskovskikh poslovi i pogovorok*. Sankt-Peterburg: NORINT. (In Russ.).

SRGA — Vorobyeva, I. A. (eds.). 1993—1998. *Slovar' russkikh govorov Altaya*. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta. 2. (In Russ.).

SRGS — Fedorova, A. I. (ed.). 1999—2006. *Slovar' russkikh govorov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka. 5. (In Russ.).

SRNG — *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. 1965. Moskva; Leningrad; Sankt-Peterburg: Nauka. 1—. (In Russ.).

SRSOSP — Sadretidinovoy, G. A. (ed.). 1992—1993. *Slovar' russkikh starozhilcheskikh govorov Srednego Priirtyshya*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 3. (In Russ.).

SSG — Ivanovoy, A. I. (ed.). 1974—2005. *Slovar' smolenskikh govorov*. Smolensk: SGPI (SGPU). 11. (In Russ.).

Superanskaya, A. V. 2010. *Slovar' narodnykh form russkikh imyon*. Moskva: LIBROKOM. (In Russ.).

References

Leontyeva, T. V. 2011. Imennyye frazeosochetaniya s soyedinitelnym soyuzom *i, da*: semanticheskiy potentsial. In: *Yazyk — tekst — diskurs: problemy interpretatsii vyzkazyvaniya v raznykh kommunikativnykh sferakh: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 12—14 maya 2011 g.* Samara: Univers grupp. (In Russ.).

Leontyeva, T. V. 2016. Otsenka povedeniya cheloveka v russkom dialektnom diskurse (na materiale dialektnoy leksiki kostromskogo Povetluzhya). In: Morozov, I. A., Sleptsova, I. S. (eds.). *Dinamika traditsii v regionalnom izmerenii: transformatsionnyye protsessy v kulture i yazyke Kostromskogo kraya*. Moskva: IEA RAN. (In Russ.).

Maksimchuk, N. A. 2006. Frazeonimy v sisteme onomasticheskikh edinit. In: *Russkiy yazyk v sovremennoy obshchestve: problemy prepodavaniya: sbornik nauchnykh statey po materialam dokladov i soobshcheniy konferentsii*. Smolensk: Izdatelstvo VPVO VS RF. (In Russ.).

Matveyeva, T. V. 2013. *Ekspressivnost' russkogo slova*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing. (In Russ.).

Minlos, F. R. 2004. *Reduplikatsiya i parnyye slova v vostochnoslavianskikh yazykakh*: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).

Minlos, F. R. 2005. Rifmovannyye sochetaniya v russkom folklоре: reduplikatsiya i parnyye slova. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1 (9): 96—116. (In Russ.).

Nikulina, Z. P. 1976. O prozvischakh so vtorym rifmuyushchimsya komponentom. In: Matveev, A. K. (ed.). *Voprosy onomastiki, 11: Russkaya onomastika i ee vzaimodeystviye s apellyativnoy leksikoy*. Sverdlovsk: [UrGU]. (In Russ.).

Nikulina, Z. P. 1983. O nekotorykh osobennostyakh prozvisch kak edinit ekspresivnogo fonda russkoy antroponomimii. In: *Ekspressivnost' leksiki i frazeologii*. Novosibirsk. (In Russ.).

Rodionova, I. V. 2005. Kharakterologicheskiye nominatsii antroponimicheskogo proiskhozhdeniya v russkikh narodnykh govorakh. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2 (10): 159—189. (In Russ.).

Varbot, Zh. Zh. 2012. *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii*. Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).